

Российское телевидение: противостояние матриц

Дзялошинский И.М. -

кандидат филологических
наук

В статье рассматриваются вопросы, связанные с анализом влияния глубинных институциональных, культурных и коммуникационных матриц на функционирование российских СМИ и телевидения как наиболее массового и влиятельного ресурса общественной коммуникации. Выявлена связь между институциональными матрицами, определяющими жизнь общества в целом, коммуникационными матрицами, регулирующими социальную коммуникацию, и медиаматрицами, задающими рамки профессиональной деятельности в сфере телевидения.

В конце 1990-х, которые ныне принято называть лихими, в одном из интервью, получившем в те годы немалый резонанс, я произнес фразу «наше телевидение такое, какое есть, и другим быть не может», ставшую поводом для бурной дискуссии. И тогда, и сейчас были и есть люди, сделавшие своей профессией сокрушительную критику телевидения, обвиняя его в растлении молодежи, навязывании людям потребительских ценностей, уничтожении национальной культуры, потакании низменным потребностям самых необразованных слоев населения и т.д. и т.п. Из года в год, из десятилетия в десятилетие телекритики, простые граждане яростно обличают ТВ во всех этих и многих других грехах, а оно никак на эти выпады не реагирует. Может быть, пора разобраться в том, почему телевидение такое, какое есть, и что надо сделать для того, чтобы оно стало другим?

Ответ, на мой взгляд, прост: СМИ – и телевидение в том числе – являются социальным институтом, организующим деятельность включенных в сферу его влияния людей по определенным жестким матрицам, формировавшимся столетиями и чрезвычайно трудно поддающимся трансформации. И не заменив эти матрицы другими, изменить телевидение невозможно. Попробую развернуть этот слишком лапидарный ответ.

¹ «Журналисты должны...». «Журналисты не должны...». Президент, премьер-министр, спикеры обеих палат, министры, олигархи – далее по списку до последнего алкоголика – знают, что журналисты должны делать и чего они делать не должны. И горе журналисту, мнение которого о своих обязанностях не совпадает с общественными ожиданиями. – Прим. авт.

² Понятие «роль» (как правило, с определением «социальная») традиционно закреплено за индивидом и используется для обозначения совокупности ▶

СМИ как общественный институт

Сейчас идея о том, что СМИ – это институт массовой коммуникации, действующий по определенным правилам, стала общим местом. Теперь не нужно доказывать, что массовая коммуникация как система, обеспечивающая оперативное производство и массовое распространение смысловых конструктов, ядром которых являются способы жизнедеятельности в изменяющихся условиях, порождает (используя, разумеется, уже имеющиеся в обществе элементы) совокупность общественных институтов и видов деятельности, обеспечивающих ее функционирование и развитие.

Одним из таких институтов являются средства массовой информации, а одним из видов деятельности, обеспечивающим функционирование этого института, является журналистика. СМИ как социальный институт задают журналистике нормативные установки, правила профессионального поведения, которые устанавливаются на основе определенных принципов и носят характер закона, а также реализуют стимулирующую, а иногда принудительную функции (через запреты, разрешения, обязательства и пр.).

Как и любой общественный институт, СМИ возникают в ответ на общественную потребность в объективном процессе разделения труда, а в более общем плане – в процессе дифференциации человеческой чувственно-предметной деятельности и общественных отношений. Потребности и условия их удовлетворения формируют соответствующие интересы и целевые установки, которые и выступают уже непосредственными детерминантами генезиса становления и развития общественных институтов. Поэтому одна из специфических особенностей возникновения последних состоит в том, что они есть результат совместной целенаправленной деятельности группы людей, реализации их целевых установок. Институционализация деятельности предполагает известную стандартизацию этих установок, закрепление в определенных формах и создание условий для их воспроизводства.

Это означает, что СМИ в целом представляют собой не просто совокупность организаций и коллективов, исполняющих добровольно взятые на себя определенные обязанности¹. Это довольно жесткая система правил, норм, общественных ожиданий, в соответствии с которыми должны исполняться эти обязанности. Эти правила, нормы, ожидания объективируются в виде определенного статуса людей, обеспечивающих функционирование системы массовой информации, а также в виде ролей, исполнение которых возлагается (а иногда навязывается) на людей, ассоциирующихся с данным институтом².

институциональные матрицы, культурные матрицы, коммуникационные матрицы, медиаматрицы, телевидение

►норм, определяющих поведение действующих в социальной системе лиц в зависимости от их статуса или позиции, и самого поведения, реализующего эти нормы. Однако, на мой взгляд, богатые эвристические потенции этого понятия дают возможность использовать его и для обозначения определенного аспекта функционирования социальных институтов. – Прим. авт.

В этом смысле СМИ, как и любой общественный институт, предстает в качестве элемента общественного целого, от которого другие элементы ожидают вполне определенного поведения, то есть реализации вполне определенных функций. Но так же, как поведение отдельного индивида может быть девиантным (отклоняющимся) в положительном или отрицательном смысле, так и функционирование того или иного социального института может совпадать с социальным заказом и ожиданиями других социальных институтов, а может и не совпадать. Уклонение от выполнения возложенных на него функций (или несогласованные отклонения) грозит данному общественному институту (а конкретно – представляющим его индивидам) различными санкциями.

Однако пришло время, оттолкнувшись от понимания того, что СМИ – это общественный институт, двигаться дальше.

Институциональные и культурные матрицы

Известные исследователи Карл Поланьи³ и Дуглас Норт⁴ высказали предположение о том, что система институтов каждого конкретного общества образует своеобразную институциональную матрицу, которая определяет спектр возможных траекторий его дальнейшего развития. Поланьи полагал, что институциональная матрица направляет экономические отношения между людьми и определяет место экономики в обществе, она задает социальные источники прав и обязанностей, которые санкционируют движение благ и индивидуумов при входе в экономический процесс, внутри него и на выходе. По определению Нортона, институциональная матрица общества представляет собой свойственную ему базисную структуру прав собственности и политическую систему. Норт считал, что экономические и политические институты в институциональной матрице взаимозависимы, политические правила формируют правила экономические, и наоборот. При этом и Поланьи, и Норт полагают, что каждое общество имеет конкретную, свойственную только ему институциональную матрицу.

Развивая эти идеи, С. Кирдина сформулировала положение о том, что «институциональная матрица – своеобразный генотип общества – складывается в момент образования государств и на протяжении их развития сохраняет свою природу»⁵.

По мнению С. Кирдиной, человечество знает две базовые матрицы, которые во многом предопределяют образ жизни и социальной деятельности людей: X-матрица и Y-матрица. Каждая из этих матриц опирается на специфические именно для нее экономические, политические и идеологические институты. В интерпретации Кирдиной, это выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1 – Институциональные матрицы

X-матрица	Y-матрица
Экономические институты	
Верховная условная собственность	Частная собственность
Редистрибуция (аккумуляция-согласование-распределение)	Обмен (купля-продажа)
Кооперация	Конкуренция
Служебный труд	Наемный труд
Снижение издержек (X-эффективность)	Возрастание прибыли (Y-эффективность)
Политические институты	
Административное деление	Федерация
Иерархическая вертикаль во главе с центром	Самоуправление и субсидиарность
Назначения	Выборы
Общее собрание и единогласие	Многopартийность и демократическое большинство
Обращения по инстанциям	Судебные иски
Идеологические институты	
Коллективизм	Индивидуализм
Эгалитаризм	Стратификация
Порядок	Свобода

Идеальные типы X- и Y-матриц позволяют однозначно различать феноменологические объекты, обладающие или не обладающие соответствующими качествами. Другими словами, представляется возможным судить о том, институты какого типа матрицы доминируют в том или ином конкретном обществе. Так, в России, большинстве стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки доминируют институты X-матрицы, в то время как в США и странах Европы – институты Y-матрицы. При этом институты

³ Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. - СПб.: Алетей, 2002. – 315 с.

⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997. – 180 с.

⁵ Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России// URL: <http://kirdina.ru/doc/31oct06/1.ppt>. (Дата обращения 10.01.2011.)

другой матрицы являются комплементарными (дополнительными). Комплементарными являются институты, действующие одновременно с базовыми институтами для выполнения аналогичных функций, то есть институты X-матрицы, действующие в обществах с доминированием Y-матрицы, и наоборот. Комплементарные институты всегда имеют менее распространенный характер, их действие опосредовано рамками базовых институтов, выражающих природу свойственной обществу институциональной матрицы.

Вполне логичным кажется предположение, что экономические и политические институты в институциональной матрице не только взаимозависимы, как полагали создатели этой теории, но и тесно связаны с культурой данного общества.

Существует множество определений и толкований понятия «культура», и здесь не место их анализировать. Напомню лишь, что по одной из гипотез термин «культура» происходит от латинского слова «culture» - что в переводе означает «возделывание земли, уход». Первоначальное понятие культуры, существовавшее в древних цивилизациях Китая (понятие «жень») и Индии (понятие «дхарма»), означало, прежде всего, целенаправленное воздействие человека на окружающую его природу. Включало оно также и воспитание, и обучение самого человека. В любом случае, так понимаемая культура есть внутренняя основа некой технологии, совокупность эталонов, критериев и процедур, задающих направления и алгоритмы социально одобряемого поведения и эффективной деятельности. Или, по-другому, культура – это совокупность знаний, ценностей, норм, обеспечивающих приспособление человека к окружающей среде или преобразование этой среды в соответствии со своими нуждами, целями и представлениями. Сложившиеся на сей момент культуры отражают ту действительность, в которой ранее жили этносы и социальные группы и к которым они ранее достаточно эффективно приспосабливались.

Понятно, что так понимаемая культура всегда привязана к определенному социальному или географическому ареалу, то есть имеет свое пространство, в рамках которого действуют определенные культурные императивы. Другими словами, речь идет о некой реальной или виртуальной территории, население которой признает власть определенной культурной системы. Так было всегда и казалось, что так будет всегда.

По мере изменения внешней среды внутри культуры появляются новые знания, ценности и нормы, более эффективные в новых условиях, нежели те, на которые субъект опирался раньше. Если внешняя среда меняется медленно, то и изменения в культу-

ре происходят почти безболезненно, хотя культурные конфликты существуют столько же, сколько и культура. Однако в условиях, когда внешняя среда меняется стремительно и вчерашняя культура, понимаемая как внутренняя основа технологии, становится неэффективной, возникает то, что специалисты называют «культурный шок»: невозможность отказаться от старой культуры, рассматриваемой как ценность, при достаточно ясном понимании ее непригодности. Возникает ненависть к этой новой действительности, овладеть которой с помощью старой культуры невозможно. Учитывая, что у любой социальной группы или народа всегда есть «хранители культуры», то есть индивиды или институты, оберегающие традицию, консервирующие культуру и защищающие ее от посягательств, понятно, что эта борьба между новым и старым в плоскости культуры приобретает нешуточный характер. Социальные и культурные институты начинают тратить огромные средства на консервацию культуры, на превращение ее в музей, на сохранение неких традиционных образцов поведения хотя бы в быту (народные танцы, народные песни и пр.).

Вряд ли нужно доказывать, что и Россия, и мир за последние годы сильно изменились. Об этом написаны тысячи книг. И главный вывод большинства этих работ: все большее количество людей обретает возможность самоопределения, ибо наша жизнь освобождается от всех прежних локальных ограничений и нам открывается практически весь мир. Можно самореализовать себя в совершенно новых и гораздо более широких пространствах. Среди множества особенностей новой действительности можно назвать еще несколько:

1. Для того чтобы выжить, существовать и развиваться, современному человеку нет необходимости быть тесно связанным с другими людьми, исчезает проблема солидарности.
2. Исчезает прямая зависимость между уровнем относительного благополучия и степенью интенсивности усилий, прилагаемых для достижения этого благополучия. Другими словами, сильная социальная политика, присущая современным государствам, приводит к тому, что тот, кто много работает, и тот, кто работает кое-как, живут почти одинаково.
3. Некое предощущение истощаемости земных ресурсов напрягает подсознание современного человека, заставляет его рассматривать всех окружающих как потенциальных врагов.

Эти и другие обстоятельства существенно изменили метрику современной действительности и сделали практически бесполезной всю предыдущую культуру, которая формировалась в принципиально иных условиях. Ощущение недейственности

предыдущей культуры вынуждает современного человека начинать поиск новых правил жизни. Сама по себе потеря прежних ориентиров уже приводит к стрессу, и одного этого стресса достаточно для повышения агрессии и нетерпимости. Вместе с тем, в ряде случаев культура агрессии и нетерпимости оказывается существенно эффективнее культуры солидарности.

Еще одна проблема заключается в том, что люди оказываются встроенными во все более всеохватную и быстродействующую коммуникационную сеть, располагая все меньшей возможностью лично влиять на объем циркулирующей в ней информации или темп быстрого действия, не говоря уж о том, чтобы их контролировать. Скорее наоборот: наша жизнь все существеннее определяется глобальной коммуникацией. В современном коммуникационном обществе это наше отчуждение выражается во власти глобальных коммуникационных потоков над нами, то есть над отдельной личностью и в неспособности отдельной личности повлиять на глобальные коммуникационные потоки, осуществить за ними контроль.

Охарактеризованное таким образом становление современного коммуникационного общества в корне меняет нашу жизнь. Результатом этих изменений в действительности стала непригодность старой культуры для оптимального или эффективного существования человека в новых заданных условиях. Идет поиск новых правил жизни. Понятно, что в этих условиях культура ищет способы самообновления или приспособления к меняющимся обстоятельствам существования. Понятно, что само по себе существование в системе разрушения казавшихся неизменяемыми и естественными правил человеческого общежития вызывает глубокий стресс со всеми вытекающими последствиями.

Что касается российской культуры, то в своем нынешнем состоянии она представляет собой амальгаму из трех разных культур.

Одна из них провозглашает в качестве основы отношения человека к окружающему миру принцип органичности, целостности и взаимосвязанности всего сущего в этом мире; принцип признания суверенности мельчайших элементов мироздания и уважения к правам этих элементов; принцип естественности роста, приращения всего сущего, неприятия революций, взрывных преобразований. Это – космоцентрическая культура.

Космоцентрическая культура прослеживается у разных народов на всех этапах человеческой истории. В частности, в работе К.Мяло «Оборванная нить»⁶ аргументированно доказывается, что российская деревня являлась самостоятельной цивилизацией, органично складывавшейся многие тысячелетия и опи-

⁷ Э.Фромм. Иметь или быть. Перевод с английского. – М.: Изд. АСТ, 2000.

⁸ Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981.

⁹ Швейцер А. Культура и этика. // Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. – М., 1993.

¹⁰ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М., 1992.

равшейся на идею идеального равновесия вселенной. Именно космоцентрическая культура в наиболее полной мере реализует жизненную ориентацию, названную Э. Фроммом ориентацией на «бытие»⁷. В рамках западной культуры эта ориентация наиболее отчетливо выражение получила в работах средневековых европейских мыслителей. Среди авторов новейшего времени можно назвать, кроме упомянутого Э. Фромма, В. Вернадского⁸, А. Швейцера⁹, Ю. Лотмана¹⁰.

Второй тип культуры отношений, который отчетливо проявляется в российской культуре, я называю социоцентрической культурой. Особенность этой системы отношений определяется идеей, согласно которой центром мироздания является некая человеческая общность, к которой причисляет себя данный индивид. Фундаментальной особенностью социоцентрической культуры является растворение личности в некоем «Мы», какой-либо общности, выступающей по отношению к этому индивиду как высшая власть и высшая сила. Следует подчеркнуть, что речь идет о добровольном и зачастую самим индивидом не замечаемом усвоении принятых в данной общине шаблонов, схем и образцов мышления и поведения, которые рассматриваются как единственно возможные.

Такая культура позволяет человеку осознавать себя и других лишь в качестве членов племени, социальной или религиозной общины, а не в качестве самостоятельных человеческих существ. Это, с одной стороны, мешает человеку стать свободным творческим индивидом, самостоятельно определяющим собственную жизнь, а с другой – обеспечивает ему принадлежность к какой-то целостной структуре, позволяя занимать в ней определенное, бесспорное место. Принадлежность к «Мы» избавляет индивида от ответственности за поиск собственных решений, от мучительных сомнений, от тягостного бремени свободы. Одновременно причастность к «Мы» наделяет человека гордостью и чувством превосходства.

Другой важной особенностью социоцентрической культуры является постоянное присутствие в сознании индивида ясного, отчетливого представления о неких других, неких «Они», которые являются врагами. Собственно говоря, ощущение «Мы» как раз и возникает на базе отталкивания от «Они». Именно этим социоцентрическая культура отличается от космоцентрической. Сохраняя растворенность человека в общине, она саму эту общину резко обособляет и от всех других общин, и от мира природы.

Чем могущественней, страшней, угрожающей выглядит монстр «Они», тем сильнее потребность сплотиться, раствориться в каком-нибудь «Мы».

⁶ Мяло К. Оборванная нить крестьянской культуры и культурная революция // Новый мир. 1988. № 8, С. 245 - 257.

Деление людей на «своих» и «чужих» непременно сопровождается идеей насилия. Эта идея выступает в разных вариантах. Самый примитивный связан со стремлением уничтожить «иных», «чужих», не «своих». Этому жестокому, но наивному взгляду на насилие противостоит другой, не менее жестокий, но уже менее наивный, «умудренный» пониманием бессмысленности прямолинейного уничтожения «иных». В его основе – желание не уничтожить врага, а сделать его неотличимым от «своих», одержать не внешнюю, а внутреннюю победу. Здесь во всей красе предстает оруэлловский О'Брайен – изощренный интеллект, жаждущий власти над ближними.

Противопоставление «Мы» и «Они» – один из древнейших социально-психологических механизмов консолидации людских общностей. Драматизация положения, в котором оказались «Мы», и объяснение всех бед указанием на виновника «Они» почти неизбежно трансформирует негативные эмоции в агрессию, направленную вовне. Причем, чем больше проблем возникает в той или иной общности, спаянной социоцентрической культурой, тем острее потребность в поиске «врага».

Когда иные писатели и публицисты ищут в своей собственной среде и в обществе в целом «не наших» и винят их в ненависти, в русофобии, в преклонении перед западным образом жизни, то это очень напоминает и средневековую охоту на ведьм или поиск еретиков, и более близкие по времени тенденции поделить всех на «своих» и «чужих» («Кто не с нами, тот против нас»).

Разделение на «Мы» и «Они» может проходить по разным признакам. Самыми «популярными» в XX веке стали религиозный, классовый и национальный критерии. Для представителей такой культуры толерантность по отношению к «нашим» норма, а по отношению к «не нашим» предательство. В рамках такой культуры поддержка, взаимопомощь, терпимость и все остальные смыслы понятия толерантность дозволительны только к точно зафиксированному «нашим». Отсюда классовая ненависть, религиозная ненависть, социальная ненависть и всякие прочие вещи, которые не просто дозволительны, а обязательны, потому что «не наши» посягают «на наших».

А. Амальрик, исследуя взгляды и представления россиян, писал много лет назад: «Русскому народу, в силу ли его исторических традиций или еще чего-либо, почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы – и связанной с этим ответственности. Даже в идее прагматической свободы средний русский человек увидит не возможность для себя хорошо устроиться в жизни, а опасность, что какой-то ловкий человек хорошо устроится за его счет. Само слово «сво-

бода» понимается большинством народа как синоним слова «беспорядок», как возможность безнаказанного совершения каких-то антиобщественных и опасных поступков. Что касается уважения прав человеческой личности как таковой, то это вызовет просто недоумение. Уважать можно силу, власть, наконец, даже ум или образование, но что человеческая личность сама по себе представляет какую-то ценность – это дико для народного сознания. Мы как народ не пережили европейского периода культа человеческой личности, личность в русской истории всегда была средством, но никак не целью. Парадоксально, что само понятие «период культа личности» стало у нас означать период такого унижения и подавления человеческой личности, которого даже наш народ не знал ранее»¹¹.

Даже такая привлекательная идея, как справедливость, на практике, констатирует А. Амальрик, оборачивается желанием, «чтобы никому не было лучше, чем мне. (Но это не пресловутая «уровниловка», так как охотно мирятся с тем, чтобы многим было хуже.) Эта идея оборачивается ненавистью ко всему из ряда вон выходящему, чему стараются не подражать, а, наоборот – заставить быть себе подобным, ко всякой инициативе, ко всякому более высокому и динамичному образу жизни, чем живем мы. Конечно, наиболее типична эта психология для крестьян и наименее – для «среднего» класса. Однако крестьяне и вчерашние крестьяне составляют подавляющее большинство нашей страны».

И, наконец, следует отметить то обстоятельство, что в результате страшных потрясений, начатых гражданской войной и продолжавшихся в течение десятилетий, 160 миллионов человек были исторгнуты из своих традиционных культурных систем, преимущественно сельских, и насильно «вброшены» в города, где некому было помочь им освоить другую, городскую культуру, казавшуюся непонятной и враждебной.

Маргиналы, люмпены и люди, прошедшие ужасную школу тюрем и лагерей, также существенным образом влияли на культуру отношений. Результатом всего этого и стало явление, именуемое «советский человек», характеризуя которого, А. Д. Сахаров писал: «Идеология советского мещанина (я говорю о худших, но, к сожалению, довольно типичных и для рабочих и крестьян, и для широкой интеллигенции) состоит из нескольких несложных идей:

1. Культ государства, в котором соединяются в разных комбинациях преклонение перед силой, наивная уверенность, что на Западе хуже, чем у нас, благодарность «благодетелю» государству и в то же время страх и лицемерие.

2. Эгоистическое стремление обеспечить свое и своей семье благополучие, «живя, как все», – с помощью блата, воровства, по-

¹¹ Амальрик А. Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года. «Огонек», 1990 г. № 9. С. 20.

крываемого начальством, и обязательного лицемерия...

3. Идея национального превосходства. Тяжелые исторические и погромные формы принимает она у некоторых русских, но и не только у них. Как часто приходится слышать – трагизм на этих черных (или желтых) обезьян, кормим дармоедов. Или – во всем виноваты эти евреи (или русские, грузины, чучмеки – то есть жители Средней Азии)¹².

И третий компонент российской культуры, который ярко проявляется во всех наших отношениях и в журналистике в том числе, я называю эгоцентрической культурой. Эгоцентрическая культура характеризуется стремлением к самоутверждению личности, к радости потребления и созидания, к власти над другими. Этот тип культуры связан с представлением о том, что каждый человек – кузнец своего счастья, а счастье заключается в обладании. «Ты должен непрерывно идти вперед и испытать свое счастье» – вот первая заповедь носителя эгоцентрической культуры. Все другие люди, занимающиеся тем же делом, что и данный индивид, рассматриваются им как конкуренты.

Однако будучи ориентированным на самого себя, стремясь к достижению своих личных целей, представитель эгоцентрической культуры должен постоянно помнить, что окружающие его люди точно также думают только о себе. Поэтому, чтобы достигнуть своих целей, индивид должен учитывать и использовать интересы других. Это может происходить во вполне пристойных формах, теоретиком которых выступал Д. Карнеги; может приобретать более манипулятивный характер (суть отношений – услуга за услугу – от этого не меняется). Следствием такой эгоцентрической ориентации может стать потеря индивидом своей индивидуальности.

Вместе с тем эгоцентрическая культура стимулирует процесс индивидуализации, направленный на расширение свободы мысли, эмоций и действий. Но при этом возникает чувство одиночества и тревоги, теряется ощущение идентичности с другими людьми. Прогрессирующее отделение от «других» может привести к изоляции. Потеря первичных уз с «Мы» превращает свободу в невыносимое бремя: она становится источником сомнений. И тогда возникает сильная тенденция избавиться от такой свободы: уйти в подчинение или найти какой-то другой способ связываться с людьми и миром, чтобы спастись от неуверенности даже ценой свободы. Однако возможен и иной путь. Как полагает Э. Фромм, при условии, что человек окажется в состоянии развить в себе внутреннюю силу и творческую активность, он может прийти к принципиально новой близости, солидарности со всеми людьми. Другими словами, эгоцентрическая культура имеет два

пути своего развития: хищнический и гуманистический.

Эгоцентрическую культуру иногда называют западной культурой, прибавляя при этом, что нам ее импортировали (иногда даже говорят – имплантировали). На самом деле это естественный результат приспособления человека к определенным условиям бытия, и для России он столь же естественен, как и для других стран.

Следует подчеркнуть, что обозначенные выше типы культуры – это идеальные модели, практически не встречающиеся в чистом виде. Они образуют три вектора того пространства, в пределах которого самоорганизуются реальные культуры, представляющие собой своеобразные «сгущения», «облака» с относительно плотным ядром и разреженными «оболочками». Речь идет о преобладании – большем или меньшем – одного из типов. И в этом смысле можно говорить об европейско-американской, азиатской, российской и множестве других – реальных и возможных – культур. Вместе с тем практика показывает, что каждое из этих «сгущений» тяготеет к одному из обозначенных выше идеальных типов.

В частности, если обратиться к анализу западной культуры, оказавшей и продолжающей оказывать сильнейшее влияние на умы и сердца многих образованных россиян, в том числе и журналистов, то трудно не заметить в ней противоречивого синтеза космоцентрической и эгоцентрической культур при безусловном приоритете последней. Результатом этого синтеза явились три основных элемента, на которых покоится западная культура: уважение к собственности, уважение к правам человека, уважение к правовым институтам общества.

Разумеется, внутри западной культуры существуют различные подвиды и варианты. В частности, Э. Фромм указывает на влияние культуры, которую он называет языческой и в рамках которой активно провозглашается идея превосходства одного народа над всеми другими и одного человека (внутри данного народа) над другими людьми.

Целью жизни в рамках языческой культуры объявляются гордость, власть, слава, богатство и другие атрибуты господства, а средствами достижения этих целей – завоевание, грабеж, разрушение, победа.

Особенностью другого варианта западной культуры – технократизма – является абсолютная уверенность в возможности реализовать некую грандиозную техническую утопию, превратив природу и общество в единую космическую машину, управляемую из одного центра. Есть основания полагать, что технократическая культура с ее культом силового, грубого вмешательства в естественные процессы бытия есть одна из производных форм

¹² Сахаров А.Д. Символ веры. «Литературная газета», 3.10.1990.

существования и проявления каких-то более фундаментальных комплексов основных представлений о мире, названных нами социоцентрической и эгоцентрической культурами. Об этом говорит хотя бы тот факт, что технократическая цивилизация активно развивается и на Западе, где господствует эгоцентрическая культура, и на Востоке (Япония, Корея, а теперь уже Китай, Индия), где доминирует социоцентрическая культура.

(Окончание статьи в следующем номере)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Амальрик А. *Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года.* «Огонек», 1990 г. № 9, стр. 20.
2. Вернадский В.И. *Избранные труды по истории науки.* – М.: Наука, 1981.
3. Дзялошинский И.М.. *Российский журналист в посттоталитарную эпоху.* М., Издательский Дом "Восток", 1996.
4. Дзялошинский И.М.. *Гражданское общество. О чем спор?* Журнал «Досье на цензуру», 2001, № 16.
5. Дзялошинский И. *Инновационная журналистика: модное словосочетание или путь развития СМИ.* // Журнал «Телецентр». 2007, № 1(21).
6. Дзялошинский И.М. *Коммуникационные матрицы как предмет прикладной коммуникативистики.* В кн.: Полифония медиатекста. Сборник научных статей. М.: РГСУ, 2011.
7. *Дорожная карта гражданского общества*//URL.: <http://www.hse.ru/news/recent/6228644.html>. (Дата обращения 29.04.2011).
8. *Ихлов Е. Мысли о немыслимом* //URL.: <http://grani.ru/blogs/free/entries/185802.html> (Дата обращения 29.04.2011).
9. *Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России*// URL.: <http://kirdina.ru/doc/31oct06/1.ppt>. (Дата обращения 29.04.2011)
10. Лотман Ю.М. *Культура и взрыв.* М., 1992.
11. Мяло К. *Оборванная нить крестьянской культуры и культурная революция*//Новый мир. 1988. № 8.
12. Неклесса А., Щедровицкий П. *Инновационная Россия. Журнал "Экономические стратегии", № 5/2003.* // URL.: <http://stra.teg.ru/lenta/innovation/1002>. (дата обращения 29.04.2011)
13. Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики.* – М.: Начала, 1997.
14. *Обретение будущего: стратегия 2012*// URL.: http://www.riocenter.ru/files/Finding_of_the_Future%20Summary.pdf (Дата обращения 29.04.2011)
15. Полань К. *Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени.* – СПб.: Алетейя, 2002.
16. *Россия XXI века: образ желаемого завтра*//URL.:http://www.riocenter.ru/files/Obraz_gel_zavtra.pdf (Дата обращения 29.04.2011)
17. Рубцов А., Богословский С. *Мегaproект: о формате и контурах стратегии национального развития.* - М., 2008.
18. Сахаров А.Д. *Символ веры.* «Литературная газета», 3.10.1990.
19. Сиберт Ф.С., Шрам У., Питерсон Т., *Четыре теории прессы.* – М., Национальный институт прессы, Изд-во Вагнус, 1998.
20. *Что будет с Россией? Политические сценарии 2008-2009. Аналитический доклад*//URL.: <http://www.civitas.ru/docs.php?part=83> (Дата обращения 29.04.2011)
21. Швейцер А. *Культура и этика.* // Швейцер А. *Упадок и возрождение культуры.* - М., 1993.
22. Э.Фромм. *Иметь или быть.* – М.: Изд. "АСТ", 2000.
23. Sparks C., Reading A., *Communism, Capitalism and the Mass Media.* London , Thousand Oaks , New Delhi . SAGE Publications. 1998. P. 52.